

М.Л. Бережнова

Омск, государственный университет

**К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РУССКИХ СИБИРЯКОВ***

В формировании русского населения Сибири принимали участие выходцы из самых разных регионов Европейской России. Если в историографии конца XIX – начала XX вв. этот вопрос считался сложным и рассматривался с учетом всех известных в то время источников [см. обзор литературы XIX в.: 9, с. 413–452], то во второй половине XX в. был решен «в принципе», теоретически: и по сей день в научной литературе доминирует та точка зрения, что основная часть русских старожилов Сибири ведет свое происхождение от выходцев с Русского Севера и, соответственно, сибирский вариант русской традиционной культуры восходит к северорусской традиции [1; 11; 13].

Однако известные нам черты материальной и духовной культуры русских сибиряков позволяют сконструировать процесс становления современных культурных форм по-разному, и прежде всего это относится к определению места южнорусской, украинской и белорусской традиций в становлении русской сибирской культуры. Отсутствие единой методики сбора материалов, как сейчас, так и в прошлом, затрудняет работу по накоплению базы данных, проведению широких территориальных и временных параллелей. Пожалуй, единственным стойким убеждением современных исследователей является признание того, что распространение культурных черт увязано с происхождением тех групп населения, у которых они встречаются.

При подготовке этой работы были использованы сведения, собранные этнографическими экспедициями Омского государственного университета в Омской области в последней трети XX – начале XXI вв. и полученные этнографом из Барнаула И.И. Назаровым в результате наблюдений в его родном селе Бобково Рубцовского района Алтайского края. Эти данные были сопоставлены с материалами середины XIX в. из Ученого архива Русского географического общества, которые были описаны Д.К. Зелениным в 1910-х гг. [8] Обращение к этому источнику объясняется тем, что еще в литературе XIX в. утвердился метод описания народного обряда «в общем», когда в один труд сводились все доступные исследователю материалы без разграничения их по месту сбора и распространению среди определенных этнических групп [см., напр.: 2, 5, 12]. Этот подход по разным причинам применяется и в наши дни, что не способствует разделению

* Опубликовано: Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. – СПб., 2010. – С. 28–33.

разнолокальных традиций. Поэтому в качестве сравнительного материала был выбран источник, содержащий хорошо атрибутированные сведения. В «Описании рукописей...» приведены материалы по погребальным обычаям из 36 губерний Российской империи, но сведений из Сибири в этом своде нет.

Довольно просто определить происхождение тех черт погребального обряда русских сибиряков, которые характерны для потомков поздних переселенцев, хорошо знающих свое происхождение. Например, еще в начале 1990-х гг. в Среднем Прииртышье у потомков белорусских переселенцев были записаны рассказы о том, что девушки или женщины, вытравив плод, закапывали его в подполе своего дома. Прямые параллели этому находим в рукописях XIX в.: «Дети мертворожденные и умершие неокрещенными ... их хоронят в самой жилой части хаты ... у порога вхожих дверей» (Из рукописи Акима Иванова «Предрассудки и поверья малоросов»; Полтавская губ.) [8, с. 1099]; «Мертворожденных детей (недонис, скинута дetyна) закапывают в избе под порогом, веря, что когда священник будет через порог идти с крестом, то сообщит праху младенца силу святыни; иные же закапывают в сенях под верхом, где люди меньше ходят» (Полтавская губ.) [8, с. 1101].

Из «Описания рукописей...» можно объяснить и сообщение, записанное еще в 1980-х гг. на территории бывшего Сибирского казачьего войска: «Если девушка умирала, то ее гроб несли ее подружки». Такие же сведения были записаны в XIX в. в Курской и Орловской губерниях, а также на территории Войска Донского: «Гробр умершей девицы несут ее подруги с распущенными волосами, в белых платках» [8, с. 468]; «Покойницу девицу несут девушки, покрытые розовыми платочками или косынками, полученными в дар от родных покойной» [8, с. 663].

Некоторые из современных материалов еще в момент записи были сопоставлены с южнорусскими материалами. Так, например, в 1996 г. в с. Мыс Муромцевского района Омской области было записано, что нужно делать, чтобы умерший не возвращался домой и не вредил членам своей семьи. Во время выноса гроба со двора засыпают путь, пройденный траурной процессией, и двор маком [3; 10]. На Украине, в Белоруссии и на юге России практиковали те же способы. А вот в севернорусских губерниях заливали путь траурной процессии водой или при выносе тела, оставив членов его семьи на некоторое время в помещении, где стоял гроб, плотно закрывали двери. Считалось, что эти меры закроют покойнику дорогу домой [8, с. 217, 909, 996 и др.]. Отметим, что в Сибири обряды с водой применяют для борьбы с засухой. До сих пор в такие периоды на кладбище выливают по 40 ведер воды на могилы утопленников, так как, по народным представлениям, именно они «оттягивают» на себя воду, из-за чего и не идут дожди.

В Мысе же были записаны некоторые обряды, которые проводят для того, чтобы не бояться покойного и не тосковать по нему. Сильно плачущим на похоронах родственникам клали за пазуху или сыпали за воротник землю из могилы. Родственники умершего, вернувшись домой с кладбища, подходили к печи и смотрели в нее. Это делали, чтобы не бояться покойного, но считалось, что эта мера является и средством от тоски по нему. Судя по материалам, опубликованным Зелениным, эта традиция имеет южнорусские и украинские корни, так как упоминания о подобных действиях встречаются в рукописях, составленных в Калужской, Курской, Полтавской, Минской губерниях [8, с. 294, 602, 663, 1116 и др.]. Такие же меры предпринимались и в Астраханской, Нижегородской, Казанской, Пензенской, Пермской губерниях, то есть в местах, где к XIX в. были расселены крестьяне из южных губерний Европейской России [8, с. 61, 526, 544, 722, 818, 995 и др.]. Отметим, что в Среднем Прииртышье кроме этих обрядов практиковали и другие. Чтобы не бояться покойников, рекомендовали подержать умершего за ногу; такое же поверье упомянуто в рукописях из Вологодской губ. [8, с. 217]. Русские сибиряки считали, родственники не будут тосковать по умершему, если сядут на табурет или скамью, на которой стоял гроб, сразу после выноса тела из дому. В Вологодской губернии считали, что такие действия позволяют не бояться мертвых [8, с. 260]. Казалось бы, распространение в с. Мыс поверий и обрядов, параллели к которым находим в южнорусском, украинских и белорусских материалах, свидетельствуют о том, что прежде здесь жили переселенцы с юга России. Но изучение этнической истории местного населения показывает, что подобных массовых переселений здесь как раз не было [6]!

Рассмотрение материалов рукописей, описанных Д.К. Зелениным, подводит нас и к другим парадоксальным выводам. Так, широко распространенный в Сибири обычай «выкупа могилы» упоминается только среди южнорусских, белорусских и украинских материалов [8, с. 311, 355, 597, 1102, 1252 и др.]. И, напротив, не все сейчас связываемые с украинцами, белорусами и выходцами южнорусских губерний культурные явления описаны в XIX веке. В частности наиболее известные поминальные действия с яйцами в рукописях, описанных Зелениным, не встречаются. Между тем это массовые материалы, достаточно легко собираемые в наши дни [см., напр.: 7].

В с. Бобково Рубцовского района Алтайского края на Родительский день принято катать яйца на могиле. Две женщины встают лицом друг к другу по двум сторонам могилы и перекатывают яйцо, приговаривая при этом «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ». Эту фразу повторяют три раза. В селе живут потомки переселенцев из Рязанской и Тамбовской губерний. В Омской области в д. Могильно-

Старожильское Большереченского района, в которой сейчас живут потомки переселенцев с Украины, рассказывали, что яйца катают на Родительский день и Троицу на предполагаемом месте потерянных или разрушившихся от времени могил. По разным приметам (соседство с другими могилами, известное расстояние от забора или дерева) определяют, где было совершенно захоронение, кладут на землю яйцо и катают его по кругу ладонью, читая при этом молитвы. Совершив обряд, яйцо оставляют на этом месте.

Очевидно, что в старых рукописях почти нет описаний материальных компонентов погребального обряда – формы могил, надгробных сооружений и т.д. Тем удивительнее упоминание о том, что «когда опускают в могилу гроб, то бросают туда длинные костыли» (записано в 1850-е гг. в слободе Никитовка Валуйского у. Воронежской губ., в котором жили «малороссы») [8, с. 372]. Аналогии этому можно найти в таком свидетельстве, записанном в с. Бобково. Раньше на кладбище гроб несли на жердях. Установив гроб, в могилу опускали и жерди, а потом яму закапывали. Концы жердей выступали наружу, между ними устанавливали крест. Когда родственники приходили на могилу, то ногами стучали по концам жердей, считалось, что так передают привет умершему. Когда жерди сгнивали и обламывались, то отломившиеся части складывали рядом с могилой; конструкцию больше не восстанавливали.

Частично материалы этой работы уже докладывались на Международном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований» в 2007 г. в Одессе [4]. После доклада ученые, присутствовавшие на семинаре, рассказали о погребальных обрядах своих родных мест, которые они знают по личному опыту. Исследовательница из Томска А.И. Боброва знает обряд закапывания жердей в могилу как кержацкий, распространенный среди сибирских старообрядцев. В Харьковской, Киевской, Одесской областях украинцы практиковали погребения в могилах с «полатями», то есть земляными уступами, которые сейчас связываются с сибирскими старожилами и истоки которого традиционно привязывают к северорусской культуре.

Приведенные материалы показывают, что традиционные верования и обрядовые действия сохраняются в течение долгого времени. Элементы традиции начала – середины XIX в. могут быть прослежены и на рубеже XX–XXI вв. При этом они были перемещены на огромные расстояния и их носителями сейчас выступают люди, принадлежащие к совершенно иным этническим группам, чем те, у которых эти традиционные действия были зафиксированы в XIX в. Распространение культурных явлений в иноэтнической и иногрупповой среде может быть объяснено браками, которые старожилы заключали с переселенцами, соседством, большим авторитетом отдельных лиц и тому подобными причинами.

Очевидно также, что ряд элементов верований и погребальной обрядности до сих пор выделяется своей необычностью на общесибирском культурном фоне, другие же элементы настолько глубоко проникли в сибирские нормы, что их сопоставление с южнорусскими, украинскими, белорусскими традициями кажется парадоксальным. Это позволяет думать о том, что усвоение этих традиций шло в течение долгого времени, а не началось только на рубеже XIX–XX вв. Из этого следует, что при реконструкции сибирских обрядов раннего времени следует учитывать и эти параллели.

Литература:

1. Александров В.А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М., 1974. – С. 15.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. – М., 1994.
3. Бережнова М.Л. Представления о связях реального и потустороннего мира через умерших у русских Среднего Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 1996 г.) // Русский вопрос: история и современность: Матер. III Всероссийск. науч. конф. – Омск, 1998. – С. 227–231.
4. Бережнова М.Л., Назаров И.И. Восточнославянские элементы в погребальном обряде русских сибиряков // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск, 2007. – С. 266–270.
5. Генерозов Я.К. Русские народные представления о загробной жизни на основании записок, причитаний, духовных стихов и т. д. – Саратов, 1883.
6. Герасимова Л.Б. Бергамак и Мыс: этническая история русских Тарского Прииртышья // Исторический ежегодник. Спец. выпуск. Посвящ. 60-летию проф. Н.А. Томилова. – Омск, 2001. – С. 230–235.
7. Голубкова О.В. Особенности похоронного обряда у украинцев и русских старожилов юга Западной Сибири // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск, 2002. – С. 205–213.
8. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества: В 3 вып. – Пг., 1914. – Вып. 1. – С. 1–484; Пг., 1915. – С. 485–988; Пг., 1916. – Вып. 3. – С. 989–1280.
9. Пыпин А.Н. История русской этнографии. – СПб., 1892. – Т. IV: Белоруссия и Сибирь. – С. 413–452.

10. Рейзвих Д.А. Представление русских Омского Прииртышья о потустороннем мире в конце XIX – начале XX века. // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.). – Омск, 2002. – С. 135–156.

11. Русские. – М., 1999. – (Сер. «Народы и культура»).

12. Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания). – СПб., 1999.

13. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. – М., 1981.